

беларускую мову далёка за межамі Беларусі. Цікава, што ў 1886 годзе Ф. Міклашыч уключыў слоўнік І. І. Насовіча ў якасці беларускай першакрыніцы ў першы «Этымалагічны слоўнік славянскіх моў».

Зразумела, што з пункту гледжання сённяшняга стану развіцця беларускай лексікаграфіі (дарэчы, па думцы С. М. Талстой, першае месца ў даследаванні ўсходнеславянскай лексікі належыць, відаць, беларусістыцы¹), у насавічавым слоўніку можна знайсці некаторыя недахопы, недакладнасці і г. д., але трэба адразу ж і ўлічыць, што без гэтай лексікаграфічнай першаасновы проста немагчымым было б далейшае развіццё беларускага мовазнаўства, у тым ліку і лексікаграфіі наогул. Аднак час выявіў і станоўчыя якасці слоўніка: паслядоўна праведзены дыферэнцыяльны характар, адлюстраванне самых розных бакоў жыцця, традыцыйнай культуры беларускага народа сярэдзіны мінулага стагоддзя, дэталёва распрацаваная структура слоўнікавага артыкула з абавязковай граматычнай характарыстыкай, філалагічным апісаннем значэння, у радзе выпадкаў з этымалагічнымі даведкамі, разнастайным шматлікім ілюстрацыйным матэрыялам.

Велізарную навуковую працу І. І. Насовіча, якая ў асноўным праходзіла ў перыяд жорсткага падаўлення беларускай нацыянальнай культуры пасля паўстання К. Каліноўскага, можна без перабольшання назваць патрыятычным подзвігам у імя свайго народа.

¹ Цішчанка І. К. Да народных вытокаў. Мінск, 1986. С. 217.

² Гл.: Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Спб., 1890. Т. 5. Кн. 3. С. 964.

³ Гл.: Сборник белорусских пословиц / Сост. И. И. Носович. Спб., 1867; Записки императорского Русского географического общества по Отделению этнографии. Спб., 1868. Т. 1; Там же. 1869. Т. 2; Сборник белорусских пословиц / Сост. И. И. Носович // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Спб., 1874. Т. 12. № 2.

⁴ Цішчанка І. К. Да народных вытокаў. С. 224.

⁵ Гуліцкі М. Ф. Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі. Мінск, 1978. С. 59.

⁶ Гл.: Микучкий С. П. Белорусский словарь // Архив библиотеки АН СССР (Ленинград). Ф. 216, оп. 3, № 1077, л. 2046.

⁷ Гл.: Толстая С. М. О новых направлениях в белорусской диалектной лексикографии // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1982. М., 1985. С. 293.

Т. П. КАЗАКОВА

ТВОРЧЕСТВО ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА

Литературная деятельность видного славянского панегириста Григория Цамблака в Великом княжестве Литовском — значительное явление белорусской культуры XV века. Ораторская проза писателя вобрала в себя богатые идейно-художественные достижения эпидиктического красноречия как древнеболгарской, так и древнерусской литератур, входивших в сферу византийского влияния.

Выходец из знатного болгарского рода, племянник митрополита всея Руси Киприана, Цамблак получил прекрасное образование в тырновском монастыре Святой Троицы. Большое влияние на него оказал патриарх Евфимий Тырновский — талантливый писатель и просветитель, последовательный сторонник учения исихастов, которое, проповедуя идеи самоотречения и аскетизма, не исключало возможности человека при жизни слиться с «божеством». «В исихазме, — отмечает Д. С. Лихачев, — сказался интерес к психологии человека, к «внутреннему» человеку, к его индивидуальным переживаниям...»¹ Поэтому писатели-исихасты исключительное внимание обращали на словесное выражение, которое должно быть изощренно, лишено повседневности, по возможности обобщающе и совершенно.

В конце XIV века Болгария оказалась под властью Османской империи, когда жестоко преследовалось все национальное. Турецкое иго вынудило Цамблака покинуть родину. Он избрал подвижническую жизнь, свои знания совершенствовал в известных монастырях Византии, Сербии, Молдовлахии и Великого княжества Литовского.

На белорусские земли Цамблак приехал уже будучи талантливым проповедником, хорошо известным православным епископам и князю Витовту. У главы Литовского княжества в это время осложнились отношения с Московским князем Василием и митрополитом всея Руси Фотием, который был тесно связан с московским правящим домом. Поэтому в 1415 году при поддержке Витовта на соборе западнорусских епископов, архимандритов и игуменов в Новогрудке Цамблак был поставлен на митрополию «Киева и всей Литовской державы». Принимая поставление, Киевско-Литовский митрополит проявил немалое мужество: его предавали анафеме и константинопольские патриархи, и Фотий, назвавший Цамблака в послании к русским епископам «мятежником, поставленным от несправедливого собора», «отлученным и проклятым»². Митрополитом кафедре Григорий перенес в Вильно (Киев был сожжен ханом Едигеем), а своей резиденцией сделал Новогрудок, в богатых монастырских библиотеках которого были и проповеди древнерусских ораторов. С произведениями Илариона и Кирилла Туровского Цамблак мог познакомиться и ранее — в монашеских обителях Тырнова, Афона, Константинополя и Сучавы, ибо славянские народы, связанные языковым родством, единством вероисповедания, близостью исторических судеб, издревле поддерживали всесторонние отношения, обменивались литературными памятниками.

Литературная деятельность Цамблака в период с 1415 по 1419 год чрезвычайно плодотворна и отличается документальностью и художественной изощренностью. В произведениях, созданных писателем на белорусских землях, — похвальных словах Евфимию и Киприану, святому Дмитрию Солунскому, полемическом слове «Како держат веру немцы», в речах на Констанцком соборе и при поставлении на митрополию, в гимнографическом стихе «На успение» и шести проповедях на церковные праздники — автор интерпретирует традиционные библейские сюжеты, говорит о страданиях большого народа, рассматривает общественно-историческую обстановку, сложившуюся в Великом княжестве Литовском в XV веке.

Изучение истории распространения произведений писателя в русских, белорусских и украинских рукописях XV—XVIII веков показывает, что наряду с проповедями Иоанна Златоуста, Григория Кесарийского, Климента Охридского, Илариона и Кирилла Туровского их постоянно переписывали в разные типы праздничных сборников («Торжественники», «Четы-миней», «Жития святых»). «Слова» панегириста пользовались большой популярностью на белорусских землях еще и потому, что своей идейной направленностью, тематикой и жанрово-стилистическими особенностями они не только соответствовали духовной жизни белорусской народности, но и хорошо вписывались в сложившиеся идейные и художественные традиции ораторского искусства.

Еще в XI веке первый русский митрополит Иларион, придав проповеди политическую остроту, оживил ее горячим патристическим чувством — заботой о будущем русской земли: «И донеле же стоит мир, не наводи на ны напасти искушения, не предай нас в руки чуждых, не прозоветься град твой град пленен, и стадо твое пришельцы и земли не твоей»³. Следуя этой патристической традиции, Григорий Цамблак как гражданин и художник-публицист в похвале Евфимию с болью пишет о порабожденной Болгарии, подчеркивая, что и для тырновского патриарха «родина предпочтительнее всего»⁴. Мысли о родине, выраженные в произведениях Илариона и Григория с большой искренностью и убежденностью, делали их актуальными и близкими в разные времена.

В «Слове о законе и благодати» Иларион, излагая теорию всемирной истории, выдвинул тезис равноправия всех народов, приобщившихся к христианству. Цамблак также всячески защищал христианство вообще, и православие в частности, как одно из решающих условий, определявших историческую общность судеб славянских народов: «Христос съедини нас крещением и ко волнои страсти гряды»⁵. В условиях надвигающейся католизации жителей белорусских земель патристические идеи авторов, выраженные в религиозной форме, обретали актуальное звучание.

Григорий Цамблак, как и его предшественники, свои похвалы посвящал личностям, сыгравшим выдающуюся роль в русской и болгарской истории. Возвеличивая правителей православной церкви Тырнова и Москвы, проповедник особо подчеркивает важное значение их религиозно-просветительской деятельности: «пастырь христов стада» Евфимий передал церкви новые книги — «скрижали истинно небесного сокровища»⁶, а «светлое ядро духа» Киприан умел «учение въ зрящихъ душахъ вселити»⁷.

Как верно заметил П. Русев, писатель «создает образы своих героев на основе диалектической связи и противоречивости «конкретного» и «общего», «актуального» и «вечного»⁸.

Исихастское мироощущение Григория, представление о том, что божество присутствует в земном мире, предполагало познание окружающей действительности и способствовало усилению в его творчестве, как и в произведениях других последователей этого учения на Руси (Епифания Премудрого и Сергия Радонежского), психологизма и эмоциональности; в его проповедях через этикетный образ пишущего грешника начинают проглядывать черты земного человека. Динамично и эмоционально изображает автор состояние жителей Тырнова в момент прощания с их духовным пастырем, единственным защитником и утешителем, Евфимием: «О кто без слъзъ сѣ помѣнетъ припадааху къ ногамъ, очесными сѣ омакая тучами, оустны прилагающе и лица, руку цѣловающе, пастырѣ нарицааху и учителѣ, отца чадолюбива... Жены, овья оубо своа прѣд ним помѣтааху отрочата, овья же и близъ быше, руцѣ сподобляаху ся... други же... ве-плем горькихъ слъзъ послѣднее издалече благословеніе призывааху и прощение прощааху...»⁹. Как видим, писатель еще не улавливает соотношения переживаний, не различает полутонов и проявление человеческих чувств изображает в духе «абстрактного психологизма».

Усиление в творчестве Цамблака интереса к человеческой личности, стремление передать авторское отношение к происходящему способствовали расцвету стиля «плетения словес». Вместе с тем экспрессивный стиль произведений писателя типологически близок стилю проповедей Кирилла Туровского, которые отличаются стройностью композиции, умелым ведением диалога, эмоциональностью, ритмичностью, обилием риторических приемов.

И. П. Еремин основной стилистического строя «Слов» Кирилла Туровского считал риторическую амплификацию¹⁰. В проповедях Цамблака эта традиционная фигура ораторской прозы представлена полнее и разнообразнее. Так, в «Слове похвальномъ Дмитрию Солунскому», желая возвеличить святого, пострадавшего за христианскую веру, панегирист включает в риторический период несколько видов амплификации одновременно (метафорическую, синонимическую и цитатную): «...болитъ душею, снѣдается сердцемъ, негодуетъ о безаконіи нечестивыхъ и ревнуетъ Моисію, Финіису, Ілїи, Петру—теплѣишему ученику, и ревность убо // уноша святыхъ онѣхъ ревности подобна бѣше, дѣло же его со преумноженіемъ онѣхъ дѣла превосходяше; не бо египтянина убить, якоже Моисей, ниже Замѣврия с мерьскою женою прободе, якоже Финіесь, ниже, якоже Ілїа, непреподобная священическая ниже, якоже Петръ, рабу архіерову отреза //; но саму главу идольского бѣсованія и низложи, и сокруши, и отсѣче и обли...»¹¹

Наиболее часто в стилистической системе Цамблака встречается цитатная амплификация, представляющая собой нанизывание цитат из Ветхого и Нового заветов, искусную комбинацию библейских текстов. Писатель то прямо включает цитаты в изображаемые события, то ищет в них символический смысл, то использует их для создания праздничной атмосферы. Но, в отличие от Кирилла Туровского, Цамблук не занимается толкованием евангельских притч.

Кириллу Туровскому и Григорию Цамблаку библейские символы заменяли понятия реального мира. Так, в восьмой речи «Слово похвальное отцамъ Никейского собора», характеризуя участников собора, Кирилл Туровский располагает библейские символы в градации их значения, усиливая этим экспрессивность текста: «добрии Христова стада пастыри», «добрии дѣлатели», «рѣкы разумнага рая», «высокопарящии орли», «непокоблѣми стѣлпы» и т. д.¹² В «Слове» на Констанцскомъ соборе Цамблук, обращаясь к собравшимся, не только амплифицирует устоявшиеся символы, но и подтверждает их цитатами из псалмов: «Возведи очи мои во горы откоуду же прииде помощь моя, помощь моя от господа, сотворившего небо и землю» (Псалм СХХ, I), «Кто богъ велии зовоуще такъ бѣ нашъ ты еси богъ творяи чюдеса» (Псалм XVI, 14). По мнению проповедника, ссылки на авторитет священного писания и цитирование его усиливали значимость высказываемых им идей. Причем при подборе псалмов Цамблук учитывал не только их содержательность, но и звуковую окраску, создающую определенное эмоциональное воздействие.

Основная особенность употребления библейской образности проповедниками состоит в том, что устоявшиеся символы служат для них основой возникновения различных ассоциаций, проведения церковно-исторических

аналогий. Создается как бы два смысла — конкретный и общий, похвала воздействует на слушателей своим текстом и подтекстом, позволявшим средневековым художникам слова выразить существовавшую в их сознании связь между явлениями реальной жизни и христианской мифологии.

В произведениях Кирилла Туровского и Григория Цамблака широко используется и прием контраста, писатели оперируют антитетическими построениями, в которых сопряжены понятия добра и зла, света и тьмы, добродетели и алчности. У Кирилла Туровского антитезы, как правило, статичны, а у Григория Цамблака — динамичны. Так, в «Слове похвальном отцам Констанцского собора» в рамках одного предложения противопоставления повторяются несколько раз, чем и достигается градация мыслей и чувств: «Изъвъспросимся добрым съвопрошаніемъ, братскы, а не по страсти, богоугоднѣ, а не своевогдне, истинно, а не лестивно, смирено, а не гордостно, любомудрьно, а не любопрително, апостолски, а не фарисейски»¹³.

Итак, в произведениях Григория Цамблака древнерусские традиции ораторского искусства, воспринятые им прямо и опосредованно, получили талантливое развитие и обогащение. По своей идейной направленности, тематике и жанрово-стилистическим особенностям «Слова» писателя отмечены предренессансными тенденциями, имевшими важное значение для развития самобытной белорусской литературы.

¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. М., 1973. С. 95.

² См.: Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1. №№ 19, 20.

³ Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1975. С. 15.

⁴ Киселков В. Митрополит Григорий Цамблук. София, 1946. С. 36.

⁵ Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности. СПб., 1907. Т. 82. №№ 1—8. С. 151.

⁶ Русев П., Гълъбов И., Давидов А., Данчев Г. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблук. София, 1971. С. 168.

⁷ Архимандрит Леонид. Надгробное слово Григория Цамблака Российскому Архиепископу Киприану // Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М., 1872. Кн. 1. С. 28.

⁸ Русев П. Литературное наследие Григория Цамблака // Etudes balkaniques. 1980. № 2. С. 136.

⁹ Русев П., Гълъбов И., Давидов А., Данчев Г. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблук. С. 219—220.

¹⁰ См.: Еремин И. П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987.

¹¹ Макарий. Великие Четы-Минеи. Октябрь, дни 19—31. СПб., 1880. Стлб. 1917.

¹² Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 347.

¹³ Никольский Н. К. Указ. соч. С. 152.

Т. Д. КИРИЛЛОВА, А. Н. КОЗИНИНА

ПУБЛИЦИСТИЧНОСТЬ ПРЕДИСЛОВИЯ Б. ШОУ К «НЕПРИЯТНЫМ ПЬЕСАМ»

Богатое творческое наследие Джорджа Бернарда Шоу (1856—1950) не обойдено вниманием критиков и литературоведов. Наименее изученными оказались его авторские предисловия к пьесам. Есть все основания рассматривать их как своеобразный литературно-публицистический жанр.

Это — самостоятельные произведения, в которых нашло отражение отношение автора к важным социальным проблемам современности, его взгляд на общественные идеалы, оценка состояния искусства. Предисловия выполняют и свою обычную функцию — пояснения к темам, разрабатываемым в пьесах. Кроме того, нетрадиционность драматургии Б. Шоу часто вызывала резкие нападки критики, извращавшей суть его идей. Предисловия драматурга в этом случае выполняли роль своеобразных страховок от необоснованных нападок.

Смысл предисловия к первому изданию «неприятных пьес» (1898) становится очевидным из подзаголовка автора «Главным образом о себе самом», в котором излагаются принципиальные воззрения драматурга на искусство и личность творца, на общественные проблемы и государственность.

Театральное искусство — одна из основных тем предисловия к «непри-